
18+
ЗАПАХ ТАБАКА
НА РОЗОВОМ ПОЛЕ
ТАТЬЯНА РЕД

Татьяна Ред
Запах табака на розовом поле

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74761261

Аннотация

Двадцать лет кровопролитной войны между оборотнями, охотниками и Соколами сожгли дотла надежду на мир. Когда враги убивают жениха Риты, ее сердце требует одного – мести. Но слепой гнев оборачивается ошибкой: случайно убитый оборотень вызывает лавину, и на племя Соколов обрушивается стая мстителей.

Теперь Рита – пленница Калеба, безжалостного вожака оборотней. Альбинос с холодными красными глазами, он забрал ее ради собственных целей, о которых не говорит никому. Для него она лишь служанка из враждебного племени – но он повторяет, что никому ее не отдаст.

От ненависти до безумной страсти – один шаг, и Рита еще не знает, что в этой игре племен самый страшный враг уже занес над ней руку. Один взгляд в чужие красные глаза – и тьма заберет у нее все: имя, семью и даже ее саму…

Содержит нецензурную лексику.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 7
Глава 2 23
Глава 3 38
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Татьяна Ред
Запах табака на розовом поле

Пролог

Иногда мне кажется, что я родилась уже с синяком под глазом и разбитыми коленями.

Мать любит повторять, что в младенчестве я кричала так, будто пыталась перекричать сам мир. Наверное, уже тогда я чувствовала, что он не собирается меня слушать. Отец же уверен: дело не в крике, а в характере. Диком, необузданном, громком для девушки нашего племени.

– Ты Сокол, Рита, – говорил он всякий раз, когда я возвращалась домой с очередной царапиной или выбитым плечом. Он обрабатывал мои раны, вечно поглядывая на меня измученным взглядом.

Наш дом всегда жил по строгому, как военный устав, распорядку. Разведчики приходили и уходили, принося носу тайны соседних племен. Мать вечно колдовала над ступкой, она в этом деле мастер. Бабушка, при жизни, была травницей, мама и нахваталась от нее. Отец почти не спал – ночами он сидел у окна, слушая мир, словно тот мог заговорить с

ним напрямую. И только Тео позволял себе быть обычным: смеяться до колик, ругаться по пустякам и просто жить.

С братом у нас была особая связь – грубая, колкая, но самая настоящая. Он дразнил меня за неуклюжесть, за мою привычку сначала бить, а потом спрашивать имена. Но стоило кому-то чужому косо взглянуть в мою сторону, как Тео превращался из наставника в демона-искусителя.

– Когда-нибудь ты вляпаешься так, что даже я не успею тебя вытащить, – бросил он сегодня днем.

Тео сидел на крыльце, обтачивая наконечник стрелы. Я в это время воевала с застежкой плаща. Господи, лучше бы другую одежду выбрала. Но с моим кожаным комбинезоном он смотрелся как родной.

– Перестань каркать, – фыркнула я, наконец завязав узлы. – Я всего лишь схожу за черешней. Что может случиться?

– «Всего лишь», – передразнил он, и его глаза стали серьезными. – На территории охотников? Рит, ты хоть понимаешь, что если тебя поймают, отец не сможет просто «договориться»?

Я только улыбнулась. Не потому, что он был неправ – он был прав. А потому что запреты всегда действовали на меня как приглашение. Я любила этот риск. Любила чувствовать, как кровь стучит в висках, когда переходишь черту своих же запретных желаний. Я всегда попадала в неприятности, однако и выходила из них не хуже.

Джейс ждал меня у ворот. Он смотрел на меня, словно

я была картиной, а он любил их писать. Под этим взглядом внутри у меня становилось тихо, а вечный зуд на душе затихал. С ним мир переставал быть полем боя.

– Вернешься до заката? – спросил он, бережно накрывая ладонью мое запястье, прямо поверх клейма рода.

– Постараюсь, – ответила я и соврала.

Мы оба это поняли. Скрывать что-то от любимого человека было преступлением, но я не могла иначе. Джейс хотел сказать что-то еще – я видела это по тому, как напряглись его плечи, как он сжал губы, сдерживая слова. Но он никогда не удерживал меня силой. Он знал: я захочу вырваться, убежать и ни одна душа на этом свете, включая его, не сможет меня остановить.

– Будь осторожна, Рит. Просто… вернись.

Я поцеловала его в щеку – мимолетный жест, который я тогда считала чем-то само собой разумеющимся – и ушла, не оглядываясь.

Как всегда. С полной уверенностью, что вечером мы снова встретимся на этом самом месте. Что мой мир незыблем. Что Тео все так же будет подшучивать над моей корзиной ягод.

Я не знала, что этот закат станет последним, который я запомню как «я». А потом наступила ночь.

Глава 1

Я бегу сквозь густую лесополосу. Ночь окутала мир плотным саваном, и в этой вязкой темноте каждый куст кажется врагом, которому я должна была проткнуть сердце. За мной гонятся двое охотников – те самые ищейки, которым наша стая перешла дорогу. Что ж, черт с вами, я всегда была из тех, кто мастерски находит неприятности на ровном месте. Это, кажется, в крови – бурлящий коктейль из адреналина и глупости.

Пока я слышу яростные крики за спиной, а мое дыхание превратилось в горячую, тягучую жидкость, раздирающую легкие изнутри, я могу вкратце поведать вам, кто я такая. Меня зовут Рита, и я принадлежу к роду Соколов. Нет, мы не оборачиваемся птицами, у нас не растут перья. Мы – те, кто способен одним лишь взглядом поставить целую роту солдат на колени, заставив их захлебнуться собственным страхом. Однако люди давно просекли эту особенность. Теперь они скрывают глаза за плотными повязками, превращаясь в слепых, но смертоносных хищников. Они научились слышать каждый мой выдох, их слух это помощник на их землях.

Тишиной я никогда не отличалась. Стоило мне в третий раз споткнуться о коварный сук и смачно, на весь лес, выругаться, поминая всех бесов разом, как преследователей стало двое вместо одного. Я заметила их еще на расстоянии кило-

метра, но, видит небо, мне до смерти нужно было добраться до этой чертовой черешни! Она растет именно на территории охотников – ирония судьбы, которую я люблю и ненавижу одновременно. Сладкий сок ягод стоил того, чтобы рискнуть шкурой… или я просто хотела в очередной раз доказать себе, что я быстрее смерти?

Охотники… Каста людей, чей смысл жизни – подпитаться нашими силами, как паразиты. Каждый в моем племени наделен даром убеждения. Стоит мне поймать чей-то взгляд, и я становлюсь кукловодом. Я могу приказать человеку бить себя тяжелой чашкой до тех пор, пока стекло не рассыплется в кровавые щепки, впиваясь в ладони. Жестоко? Возможно. Но наше племя – самое конфликтное в этих землях. Мы не водим дружбы ни с людьми, ни с оборотнями. Мы – одиночки в мире, который мечтает нас приручить и уничтожить.

Кстати, об оборотнях. Забудьте сказки о тех, кто воет на луну, ожидая полнолуния, чтобы превратиться в чудовищ. Местные перевертыши – это истинные хозяева формы. Они способны принять облик любого зверя в любое время. Поэтому на охоту мы выходим, озираясь на каждую тень. Как отличить настоящего волка от оборотня? Что ж, дикий зверь вряд ли будет благоухать дорогим одеколоном или изысканными духами. Оборотни любят роскошь, даже когда собираются перегрызть тебе глотку. Если в чаще пахнет не сырым мясом и не гнилью – беги.

Я споткнулась в очередной раз, пропахав носом землю.

– Блядь! – вырвалось у меня вместе с комком грязи.

Если бы сейчас меня увидел Тео, мой старший брат, он бы непременно наградил меня своей фирменной издевательской ухмылкой и высмеял мою неуклюжесть. Но в следующую секунду он бы хладнокровно, не дрогнув ни единым мускулом, пристрелил этих ищеек из арбалета. Тео всегда был моей страховкой, но сегодня я одна.

О нет… Впереди показался крутой склон. Разумеется, я не удержала равновесие. В момент удара головой о землю воздух с хрипом выбило из легких. Мир перевернулся. Я летела кубарем вниз, собирая телом все камни и корни. Черные волосы спутались в колтун, руки покрылись глубокими царапинами, а плащ безнадежно застрял в колючих ветках терновника.

Приземление вышло самым паршивым. Я с размаху ударилась животом о поваленное дерево. Острая, ослепляющая вспышка боли прошила тело – я отчетливо услышала противный хруст, а затем почувствовала, как ветка пробила плоть, входя в меня.

Я затаила дыхание, боясь даже шелохнуться. Грудная клетка ходила ходуном, но я заставила себя замереть. Нельзя выдавать себя этим бесовским отродьям, когда я так беспомощна, пришпиленная к дереву, как иглы в кукле вуду. Повернув голову, я увидела, как двое преследователей, дезориентированные шумом, пронеслись мимо, уносясь вглубь леса.

Камни, осыпавшиеся вместе со мной в овраг, создали ложный след. Хоть в чем-то мне сегодня повезло, если можно назвать везением дыру в животе.

– Так, Рит, спокойно… дыши, – прошептала я, упираясь дрожащими ладонями в кору.

Ветка засела глубоко. Я чувствовала, как кровь пропитывает одежду. Как можно было так влипнуть? Помимо убеждения, наш род обладает даром регенерации, но эта магия – капризная сука. Она пробуждается, только когда есть искры внутренних сил. А я сейчас пуста, как кубок после пиршества.

На моей кисти внезапно засиял знак Соколов: золотое перо, выжженное на коже с самого рождения. Это клеймо – наша гордость и наше величайшее проклятие. Если кого-то из нас убьют и, по обычаю охотников, лишат глаз, по этой метке сородичи поймут, чей это труп.

В груди кольнуло привычной болью. Мы ведь забываем лица собственных детей – в нашей практике это печальная, неизбежная норма. К сорока годам память многих Соколов превращается в рваное лоскутное одеяло, затуманивается настолько, что они не могут найти дорогу к порогу собственного дома. Они смотрят на своих сыновей и дочерей, и видят лишь чужаков. Таких бедолаг мы просто не выпускаем за ограду, чтобы они не потерялись в мире, который их ждет с раскрытой пастью.

Благо, эта участь настигает не всех. Мои мать и отец по-

ка еще помнят меня – их неуклюжую, строптивую Риту, которая вечно ищет приключения на свою пятую точку. И это сияние на коже сейчас – не просто магия. Это зов. Отец чувствует, что я на грани. Он зовет меня домой, в безопасность, которой здесь нет.

С надрывным стоном я рванулась назад, вырываясь из острых объятий дерева, и рухнула на сырую землю, чувствуя, как сознание начинает медленно возвращать меня к жизни.

В этот миг в звездном небе сорвалась и упала звезда, прочертив золотой след. Я никогда не верила в сказки о желаниях – в нашем мире за все платишь кровью, а не мечтами, – но сейчас в голове лишь одна отчаянная мысль: «Пусть в моем племени все будет хорошо… Пусть все вернутся домой».

Из раны на животе толчками потекла горячая кровь, просачиваясь сквозь пальцы. Я прижала ладонь к дыре, и, пошатываясь, встала. Оглядев окрестности и убедившись, что в лесной тишине не слышно дыхания ищеек, я побрела вниз по склону. Там, за подножием горы, раскинулся наш городок – Сокольские низины.

Только бы отец не заметил новую рану. Да, я та самая девушка с десятками шрамов – уродливой памятью о былых стычках и немым доказательством того, что я просто неугомонное создание, не умеющее вовремя отступить.

Наш городок, освещенный светом факелов, по вечерам всегда замирает. Здесь царит смешанный уклад: часть поселения уютно расположилась прямо на земле, среди пышных

садов и крепких очагов, а часть – в кронах исполинских деревьев, соединенных подвесными мостиками.

Соколы – племя дружное. Здесь ценят поддержку, открытость и взаимовыручку.

Именно сумерки – любимое время охотников, они считают нас наиболее уязвимыми в эти моменты. Но у Соколов есть своя броня. По всему периметру низин буйно цветут растения с розовых полей. На оборотней этот дурманящий запах не действует, но на людей-охотников он влияет магически: стоит им учуять этот приторно-сладкий аромат на подступах к городу, как их разум мутится. Сознание окутывает тяжелая пелена, и они впадают в беспробудный сон прямо там, где стояли. Для нас же эта флора – благословение. Ее лепестки и корни помогают нам восстанавливать силы и залечивать раны, которые в обычном мире убили бы за час.

Вы спросите, как мы защищаемся от оборотней? Честно говоря – никак. У нас с ними странный паритет, замешанный на взаимном страхе. Они не нападают на город открыто – боятся наших лучников. А если и решатся… что ж, у нас есть собственные охотники на перевертышей. Баш на баш, жизнь за жизнь.

Наш дом стоял в самом сердце поселения. Крепкий, сложенный из темного векового дуба и окруженный высоким железным забором. Прежде чем войти, я туго завязала плащ на поясе, надеясь скрыть пропитанную кровью ткань. Но едва переступив порог, я почуяла тяжелый взгляд отца, а имен-

но его затылка. Меня здесь ждали. И ждали именно раненой.

Отец стоял спиной к двери, неподвижно глядя в темное окно. На столе в идеальном, пугающем порядке уже были разложены чистые бинты, дымилась чаша с теплой водой, а рядом замерли склянки с мазями. Он всегда знал. Проклятая метка на руке была нашим личным каналом связи и моей клеткой.

– Ты снова за свое? – произнес он, не оборачиваясь. – Неужели эта черешня стоит твоей жизни, Рита? Ты действительно так сильно хочешь угробить себя раньше времени? Поверь, время настанет, и мы тебя уже не найдем.

Я раздраженно закатила глаза, скрывая за гримасой вспышку боли, и опустилась на жесткий стул. Руки сами потянулись к столу – привычный ритуал исцеления. Я схватила первый попавшийся предмет – стеклянную баночку с густой мазью из корней роз.

– Зачем ты звал меня через метку? – спросила я, стараясь, чтобы вопрос звучал естественно. – Ты ведь знал, что я была на грани. Если бы охотники прозрели хоть на миг и увидели сияние печати сквозь свои повязки, я бы уже не вернулась. Ты подставил меня под удар, папа.

Отец помедлил, его плечи тяжело опустились, словно на них навалился свод небес. Он, наконец, повернулся.

– Мы нашли еще одного, – коротко бросил он.

– Кого? – мое сердце пропустило удар, а в животе похолодело вовсе не от раны.

– Сокола. Убит в низине, недалеко от водопада. Глаз нет – вырезали под корень. А клеймо на запястье изрезано с такой животной яростью, что мы едва опознали его. Рита, если оборотни и охотники объединятся, наш род исчезнет. Мы станем лишь легендой, сказкой, которую будут рассказывать детям перед сном, чтобы те не гуляли в лесу.

Мой отец возглавлял разведчиков. Он видел смерть чаще, чем солнечный свет. Это он приносил вести о тех, кто больше никогда не переступит порог своего дома.

– И кто это был? – мой голос сорвался на шепот.

Папа отвел взгляд, не в силах смотреть мне в глаза. Он закусил губу, и этот мелкий, такой человеческий жест выдал его с головой. Погибший был не просто соплеменником. Мир вокруг меня начал медленно рушиться, кирпичик за кирпичиком.

– Джейс. Это был твой Джейс.

Мои пальцы судорожно разжались. Стеклянная баночка выскользнула и с жалобным, звонким хрустом разбилась о деревянный пол. Острые изумрудные осколки брызнули в стороны.

– Что?.. – выдохнула я, надеясь, что это просто дурной сон, порожденный лихорадкой от раны.

Но ледяная пустота в груди была слишком реальной. Джейс. Мой Джейс. Тот, кто обещал мне, что мы построим свой дом подальше от границ. Тот, кто дарил мне полевые цветы и заставлял смеяться. Мы должны были пожениться

через несколько дней… Он ушел сегодня днем, поцеловав меня на прощание, и обещал вернуться к закату. Но солнце село, а он – нет.

– Рита, послушай меня… – отец шагнул ко мне, протягивая руку.

Я не стала слушать. Резко, преодолевая тошнотворную боль в животе, я вскочила, отталкивая его руку. Бросилась к лестнице, полностью игнорируя встревоженные возгласы отца. Каждая ступень отзывалась вспышкой боли, но мне было плевать. Влетев в свою комнату, я с силой захлопнула дверь, заперла ее на щеколду и просто сползла по дереву на пол.

Слезы хлынули градом, обжигая щеки. Пять лет… Мы были одним целым пять лет. С ним я прошла через все: через первый страх охотников, через потерю друзей, через то редкое и чистое счастье, которое вообще возможно в нашем проклятом мире. Джейс был моим якорем. Моим домом. И теперь его вырвали из моей жизни, оставив на месте сердца зияющую, окровавленную дыру. Его больше нет. И я не знала, как дышать в мире, где его нет.

В дверь негромко, но требовательно постучали.

– Рита? Открой.

Это был Тео. Сейчас я не хотела видеть никого на свете, даже его. Хотелось просто зарыться в одеяло и позволить темноте поглотить меня целиком.

– Что тебе? – выдавила я, борясь с удушающим комом в горле.

– Я слышал о Джейсе… – очевидно, в этом поселении чихнешь, на другом конце скажут «будь здоров». – Я не оставлю это просто так, Рита. Слышишь? Найду того, кто это сделал, и лично притащу его к тебе на расправу. Живым или по частям – решать тебе.

Тео был тем самым братом, который любил меня безусловно, просто за то, что я есть, – с моим скверным характером и вечными царапинами. Он никогда не дрожал над собственной жизнью, хотя я за него боялась постоянно, до боли в груди. Он всегда боялся только за меня.

– После похорон я иду в рейд с нашими охотниками. Хочешь… – он замялся, подбирая слова, чтобы хоть немного разрядить этот ужасный момент. – Хочешь, принесу тебе черешни? Той самой, из-за которой ты сегодня чуть не померла.

Я невольно усмехнулась сквозь рыдания, вытирая лицо ладонью. Глупый, нелепый Тео. Пытается лечить перелом души ягодами.

– Если хочешь… принеси.

– Значит, все по списку. Ага, записал. Черешня для самой невыносимой девчонки в низинах.

Я почувствовала, как его тон стал нарочито бодрым. Он всегда так делал – строил мосты над бездной моего отчаяния, не давая мне сорваться вниз. И, признаться, я была ему за это благодарна. В этом доме кто-то должен был оставаться скалой.

– Заходи… если хочешь, – я поднялась и, пошатываясь, отодвинула тяжелую щеколду.

Тео вошел бесшумно. Его взгляд, острый и внимательный, тут же остановился на моем лице.

– У тебя все щеки опухли, и глаза красные, как у кролика, – констатировал он, без злобы, как он и любил.

Я поджала губы, глядя в пол. Брат видел меня насквозь – всю ту боль и страх, которые я так старательно прятала за маской строптивости. Даже Джейсу я не всегда решалась показать свою истинную уязвимость, боясь показаться слабой… А теперь больше и не придется.

Тео осторожно обнял меня. Мысли путались, и я была совсем не здесь. Но я не могла просто игнорировать присутствие брата в своей же комнате.

– Я отомщу, Рита. Клянусь тебе кровью. И мне плевать, кто за этим стоит – люди или звери. Они пожалеют, что родились на свет.

Я прижалась к его широкой груди, вздыхая, и новая волна слез накрыла меня. Когда-то Тео и Джейс были не разлей вода, пока между ними не встало мое упрямство и наши отношения. Но брат никогда не держал зла – он видел, как я сияла рядом с Джейсом, и этого ему было достаточно для прощения.

Я всем сердцем ненавижу охотников, ненавижу оборотней и втайне молюсь всем богам: я просто хочу, чтобы они оставили нас в покое. Чтобы наше племя жило, не огляды-

ваясь на каждый шорох, не проверяя запоры на окнах каждую ночь… Но за последний месяц число погибших выросло втрое. Люди научились убивать нас скрытно, выслеживая поодиночке, вырывая сердца и лишая зрения.

– Можно мне пойти с тобой на охоту? – спросила я, отстранившись и глядя ему прямо в глаза.

Тео выгнул темную бровь и прищурился.

– Ты уверена, что готова убивать, Рита? Это не в прятки в лесу играть.

Он не спросил, не боюсь ли я смерти. Брат знал: пока он рядом, он не даст меня в обиду. Но готовность забрать чужую жизнь – это совсем другое.

– Уверена, сэр, – я выдавила из себя подобие улыбки, которая больше походила на оскал.

Тео улыбнулся в ответ, хотя по взгляду я видела, что он хотел отвесить мне подзатыльник.

– Тогда решено. После похорон я забираю тебя, и мы вместе с Рокки выходим на след. Пора показать им, что Соколы все еще умеют выпускать когти.

Он коротко кивнул и вышел, так же бесшумно прикрыв за собой дверь. Я осталась одна в комнате. Боль от потери Джейса не утихала – она просто свернулась клубком где-то под ребрами, прямо на ране. Это явно был знак, что счастливой я не вернусь. Я быстро выпила отвар из лепестков роз, что стоял у меня рядом с кроватью. Холодный, но стабильно помогает мне не умереть.

Подойдя к зеркалу, я расстегнула плащ.

Повязка, наспех сооруженная еще по дороге сюда, насквозь пропиталась кровью. Выглядело скверно, но края плоти уже начали стягиваться, покрываясь розовой пленкой. Дар регенерации медленно, но верно делал свою работу, высасывая из меня последние крупицы жизненных сил. Я чувствовала себя выжатым лимоном, но это было даже к лучшему – физическая слабость притупляла агонию в душе.

Я коснулась татуировки пера на запястье.

«Я найду их, Джейс», – прошептала я в пустоту. – «Клянусь, они ответят за каждый шрам на твоем теле. И за каждую слезу, которую я пролила сегодня».

Я простояла у зеркала еще несколько мгновений, прежде чем заставила себя отвести взгляд. Если смотреть дольше – можно было увидеть, как в моих глазах умирает та прежняя Рита и рождается кто-то другой. Кто-то, кому больше не нужна черешня.

В доме было непривычно тихо. Даже половицы не скрипели – само дерево замерло в трауре, который еще не был объявлен вслух, но уже пропитал каждый угол. Я спустилась на кухню, стараясь не шуметь.

Мать сидела за столом, спиной ко мне, абсолютно неподвижно. Перед ней стояла чашка с давно остывшим отваром, а рядом – аккуратно сложенный, идеально чистый платок. Она не плакала. Не всхлипывала. Она просто смотрела в одну точку на стене, сжимая край дубового стола.

Ее глаза были красными от слез. Это было то особое, тихое горе, которое не выплескивается истериками наружу, а медленно, по капле, разъедает человека изнутри, превращая живую плоть в пепел.

– Мам… – тихо позвала ее я, нарушая тишину.

Она вздрогнула, будто ее внезапно вытолкнули из ледяной глубины на поверхность, и медленно обернулась. Увидела меня – и впервые за весь этот бесконечный вечер в ее взгляде мелькнуло что-то живое. Дикая, первобытная боль, мгновенно смешанная с судорожным облегчением.

– Ты дома, – сказала она. Не спросила. Убедилась.

Я кивнула и подошла ближе, едва переставляя онемевшие ноги. Каждая вещь в этой комнате теперь казалась осколком той жизни, которой больше не существовало.

– Я хотела сказать… – начала она и осеклась. Слова, видно, застревали в горле. – Я заварила твой любимый чай. Пей, пока не остыл.

– Спасибо, мам.

Я села напротив. Мы обе боялись, что если коснемся друг друга сейчас, то обе просто рассыплемся в пыль.

– Он был хорошим мальчиком, – произнесла мать наконец, глядя куда-то сквозь меня. – Всегда помогал, даже когда его не просили. Никогда не спорил. Даже когда видел, что всем вокруг страшно… он улыбался.

«Названный сын». Она любила его не по закону крови, а по велению сердца. Джейс часто смеялся, подмигивая мне,

что ему чертовски повезло: у него появилась мать, которая ворчит из-за промокших сапог. Она каждый раз заботливо поправляла ему воротник плаща перед выходом и провожала долгим взглядом, будто знала: мир за оградой только и ждет момента, чтобы его забрать.

– Я не успела… – ее голос предательски дрогнул. Она резко замолчала, судорожно втянула носом воздух. – Я хотела отдать ему наш семейный оберег. Тот, с резьбой в виде крыла. Думала – подожду до свадьбы. Сделаю подарок перед алтарем.

Я сжала пальцы под столом так сильно, что ногти впились в ладони, перебивая боль в животе. Гнев внутри меня шевельнулся. Он требовал выхода, требовал крови тех, кто превратил мамину надежду в этот тихий ужас. Но я заставила себя сидеть ровно.

– Это не твоя вина, – сказала я твердо, чтобы не загубить психику мамы еще больше. – И не его. В этом виноваты те, кто забыл, что у Соколов тоже есть сердце.

– Ты снова пойдешь туда, – почти беззвучно произнесла мать. – Я вижу это по твоим глазам, дочка.

Я не ответила. И не нужно было. Мое молчание было громче любого крика.

Мать медленно поднялась. Она подошла ко мне и неожиданно, порывисто обняла. Она вцепилась в мои плечи так, будто боялась: если она сейчас ослабит хватку хоть на йоту, я просто растворюсь, исчезну следом за Джейсом в той ни-

зине у водопада.

– Вернись, – прошептала она мне в волосы, и я почувствовала, как ее горячая слеза скатилась мне за шиворот. – Слышишь? Кем бы ты ни стала в этой охоте… в какого бы монстра ни превратилась… просто вернись в этот дом.

Я закрыла глаза, вдыхая ее запах в последний раз перед тем, как окончательно запереть свое сердце на замок. Я позволила себе эту минутную слабость. Позволила себе быть просто дочерью, у которой отняли все. Всего на одно мгновение.

– Обещаю, – сказала я пустоте.

И сама не знала, кому именно я даю это обещание: матери, покойному жениху или той безжалостной тени, в которую я собиралась превратиться завтра на рассвете.

Глава 2

Утром меня разбудил не солнечный свет, а тихий, надломленный голос матери:

– Рита, вставай. Пора…

Я открыла глаза и не сразу поняла, почему в груди так тесно. А потом память обрушилась на меня лавиной. Мама выглядела совершенно раздавленной – за одну ночь она будто постарела на десять лет. Джейс стал для нашей семьи родным: и сыном, и братом для меня. Его собственные родители давно сгорели в огне войны, развязанной охотниками, и мы были единственными, кто держал его за руку в этом мире.

Я тяжело поднялась. Одежды у нас было немного; мы берегли вещи, как святыни, перешивая их из старых добротных тканей, которые служили поколениям до нас. Я достала свой охотничий доспех: кожаный колет с почерневшими железными пластинами на груди и коленях. Это была наша единственная защита в ближнем бою. Я не собиралась сражаться, я собиралась встать горой перед тварями, что сотворили с ним это.

За окном небо затянуло тучами, сама природа решила надеть траур. Погода вторила нашему настроению, лишая мир последних красок. Спустившись в просторную прихожую, я замерла на нижней ступени.

Посреди комнаты, на двух грубых скамьях, стоял гроб. Те-

ло было накрыто ослепительно белым саваном, и я не могла заставить себя сделать даже шаг навстречу. В горле встал колючий ком. Страшно. До одури страшно видеть того, кто еще вчера смеялся, чьи руки были теплыми, а обещания – нерушимыми… видеть его неподвижным холмом под тканью перед тем, как ритуальное пламя поглотит его плоть.

Соколы всегда сжигают своих мертвецов. Мы не можем позволить, чтобы враги-охотники или голодные оборотни оскверняли наши тела, выкачивая из костей остатки магической силы для своих гнусных обрядов.

Мама вышла из кухни в простом сером платье. Глаза ее превратились в две узкие щелочки от слез, волосы были собраны в небрежный косой узел.

– Ты хоть немного спала? – спросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

Мама лишь отрешенно кивнула, не сводя пустого взгляда с гроба.

– Сейчас придет Ксандер… хочет попрощаться лично, – прошептала она, закрывая лицо сухими ладонями.

Я подошла и крепко обняла ее. Сейчас я должна была стать монолитом – за нас двоих. Мой взгляд невольно скользнул по контурам под саваном. Что за твари сотворили это? Я задала этот вопрос самой себе и тут же горько усмехнулась. Оборотни. Охотники. Какая разница? Все они жаждут нашей крови, хотя в стародавние времена, если верить истории, наши племена называли друг друга братьями. Теперь от

этого братства остался только пепел.

В дверь тихо постучали. В дом вошел Ксандер – вождь Соколов. Его иссиня-черные волосы были заплетены в безупречно тугую косу, а за мощным плечом виднелся тяжелый колчан, полный стрел с черным оперением. Такие есть только у него, самые сильные и острые стрелы.

– Доброго дня, хозяйка, – пробасил он, делая шаги внутрь.

Высокий, широкоплечий, он замер над гробом. Мама, не выдержав его взгляда, поспешно скрылась на кухне, утирая слезы краем платка.

У меня с вождем всегда были острые отношения. Год назад из-за моей неосторожной вылазки он подставился под стрелу охотника, прикрывая мою спину. Тогда он в ярости орал на все поселение, что я – никчемная, взбалмошная девчонка, которой не место среди воинов. Я тогда сбежала в лес, захлебываясь обидой, но быстро вернулась, когда первая же стрела чуть не пробила мою ногу. Страх добавляет людям энергии, тогда я это познала на практике.

– Ты как? – негромко спросил Ксандер, поднимая на меня свой взгляд.

Я выпрямилась, не выдавая ни единой эмоции. Его сочувствие всегда казалось мне фальшивой пеленой, чтобы я могла в него поверить.

– Я в порядке. Похороны через час, пора готовиться.

Ксандер молча кивнул. Мужчина медленно опустился на корточки перед гробом и осторожно вытянул из-под белого

савана руку Джейса.

Она была бледной, а на запястье чернело клеймо. Достав из-за пазухи полосу белой ткани, вождь принялся медленно перевязывать изображение пера. Это была «завеса» – ритуал, закрывающий путь темным духам и оберегающий душу от сглаза перед костром.

Мы сжигаем своих на Розовом поле. Легенда гласит: если на месте пепелища через три дня вырастет роза, истекающая сладким нектаром, – душа покойного дома, в высшем мире. Если же цветок вырастет сухим и безжизненным – значит, душа проклята и дорога ей в вечный мрак.

Я смотрела на его пальцы, и внутри меня все клокотало.

– Ты завязал на два узла, а надо на три, – бросила я, глядя на вождя сверху вниз.

– Вы не успели стать мужем и женой, Рита, – отрезал он, не прерывая работы, и поднялся во весь свой внушительный рост. – Ритуал единства не был завершен. Ты не знаешь, как боги бы отнеслись к этому союзу.

– Мы были помолвлены! – я сделала шаг вперед, и мой голос все-таки сорвался. – Мы дали клятву перед родителями! Это тоже считается перед богами! Третий узел – это моя связь с ним!

– Я все сделал правильно. Он уходит свободным, и на том свете его ничто не должно удерживать или тянуть назад. Хватит вести себя как капризный ребенок.

– Это ты перестань делать из меня гребаное дитя! – я по-

чти кричала, игнорируя то, как больно тянет рану на животе. – Мне в этом году двадцать, а ты не способен проявить уважение даже к моей потере!

– Я не слушаю тебя только потому, что ты несешь бессмыслицу, продиктованную горем, – Ксандер сделал два тяжелых шага в мою сторону. – Я вождь, и я лучше знаю, как вязать ритуальные узлы, чтобы не погубить душу.

– Ссориться и командовать над телом покойного сородича – вот что ты умеешь лучше всего, Ксандер.

Он прикрыл глаза, шумно выдыхая сквозь зубы, явно пытаясь подавить желание просто выставить меня за дверь. Я же, напротив, до боли сжала кулаки. Я ненавидела его тон, ненавидела то, как легко он обесценивал мою личную катастрофу, превращая ее в «неправильный ритуал».

– У оборотней новый вожак, – вдруг произнес Ксандер, резко сменив тему, словно обрывая нить нашего спора.

Я невольно разжала кулаки. Вот так в лоб мне подобное еще никто не говорил. Ксандер, да ты мастер своего дела.

– А что со старым? – нахмурилась я.

– Погиб. По некоторым сведениям, его растерзали свои же. Говорят, этот новый куда страшнее прежнего. Если старый вожак еще помнил вкус мира и сохранял подобие нейтралитета, не желая открыто нападать на Соколов, то я не знаю, какие демоны и жажда власти в голове у этого зверя.

Я закусила губу до крови, снова глядя на гроб. Ярость закипала внутри, смешиваясь со скорбью.

– Наверняка кровь Джейса на его руках… Гнусные щенки, – прошипела я. Яд так и капал с моих губ, обжигая язык. – Они ответят за каждого нашего.

Ксандер ничего не ответил. Он вернулся к телу и, помедлив секунду, затянул еще один узел на бледном запястье Джейса поверх белой ткани. Третий.

Значит, он все же услышал меня. Значит, признал. По нашему суровому закону, два узла – это знак одиночества, символ того, что душа уходит в пустоту и на земле ее больше никто не ждет. Три узла вяжут тем, у кого осталась верная жена или невеста, или во время самого ритуала бракосочетания. Немой обет, что он будет ждать меня там, сколько бы лет ни прошло.

– Можешь идти к полю, Рита. Там уже собирается народ. Мы с твоим братом донесем его. Иди, поддержи мать.

Розовое поле всегда было для нашего племени сакральным и пугающим местом одновременно. С одной стороны – единственный источник нашей жизни. В жилах каждого Сокола течет едва уловимый след магии этих роз. Из их корней мы варим целебные снадобья, способные затянуть даже рваные раны, а из лепестков завариваем укрепляющие отвары для незначительных ран или для быстрого восстановления энергии. Мы открыли их магию не так давно, лет двадцать назад, когда мой отец был еще юнцом. Тогда старейшины обнаружили, что эти цветы, пахнущие для меня медом и сахаром, способны возвращать силы даже самому изнуренному

воину.

С другой стороны – это поле чистой, незамутненной боли. Ксандер похоронил здесь почти все, что любил: жену и троих сыновей. Теперь у него осталась только крошка Полли, которую он оберегает с неистовостью раненого зверя, не отпуская от себя ни на шаг. За два десятилетия это место превратилось в огромное кладбище без единого надгробия – только бесконечный океан цветов, впитывающих пепел наших предков. Раньше, гуляя здесь, я чувствовала покой… но не сегодня.

Я стояла рядом с матерью, крепко сжимая ее локоть. Она все еще покачивалась, будто стояла на палубе корабля во время шторма, и едва держалась на ногах. Воздух над полем был густым, почти осязаемым.

Толпа соплеменников замерла по краям поля, образовав живое кольцо. Никто не смел наступать на цветы – это считалось осквернением памяти. В самом центре зияла пустая, вытоптанная площадка – место для последнего костра.

Я подняла глаза и увидела их. Тео, Ксандер и еще двое воинов несли гроб на своих плечах. Время в моем сознании вдруг замедлилось. Мне хотелось сорваться с места, броситься вперед, рухнуть в эти проклятые розы и кричать, сдирая ногти в кровь: «Похороните меня вместе с ним! Я не хочу оставаться здесь одна!»

Но я стояла не шелохнувшись, впившись пальцами в собственное предплечье. Я не позволю боли ослепить меня.

Сейчас мои глаза затуманило другое чувство – ледяная жажда мести, которую стоит подавать холодной. Она пульсировала в висках в такт шагам Ксандера. Я знала наверняка: если я увижу сейчас хотя бы одного оборотня, я собственноручно вскрою ему горло, даже если мне придется зубами рвать его плоть.

Гроб установили на кирпичное основание, обложенное сухим хворостом. Двое Соколов отошли в сторону, раздувая пламя факелов. Искры летели в серое небо, похожие на крошечных умирающих светлячков.

– Соколы! Сегодня мы прощаемся еще с одним братом, – голос Ксандера загремел над полем. – Я, как и вы, до смерти устал от этой бесконечной войны. Устал от вкуса крови во рту и запаха пепла на этих цветах. Но мы выстоим. Мы победим, потому что наше право на жизнь оплачено самой дорогой ценой. Кровь наших птенцов будет пролита не напрасно!

Рядом послышался тихий, захлебывающийся всхлип. Я опустила голову и увидела Полли. Малышка стояла подле меня, мертвой хваткой вцепившись в край моего кожаного плаща. Ее глаза были расширены от ужаса. Она смотрела на отца с таким отчаянием, словно в этот миг он сжигал не Джейса, а его самого.

Мое сердце заколотилось в унисон с треском костра, когда Ксандер и Тео одновременно подняли пылающие факелы. Мое сердце забилось настолько сильно, что я могла бы прямо здесь рухнуть в обморок и молить не проснуться. Но

теперь задача у меня другая: отомстить.

– Джейс погиб как воин, и память о нем будет высечена в наших сердцах вечно. Я верю в перерождение и верю, что его следующая жизнь станет светлее и достойнее этой. Он всегда будет среди нас – ветром в крыльях и силой в руках.

Настал момент, которого я боялась больше, чем собственной смерти. Они синхронно опустили факелы, и сухая древесина, пропитанная маслом, мгновенно занялась ревущим пламенем. Рыжее марево скрыло белое очертание савана. Мама пошатнулась, ее колени подкосились, и она начала оседать на землю, теряя сознание от невыносимого жара и горя.

– Мама! – вскрикнула я, подхватывая ее под руки. Две женщины, стоявшие рядом, тут же подскочили, помогая удержать ее на весу.

В этот момент я посмотрела на Тео. Его лицо было неподвижным, но по щеке ползла одинокая дорожка, оставляя след на припыленной коже. Он потерял брата. А я потеряла свою душу.

Я не могла отвести глаз от пылающего гроба. Огонь жадно слизывал сухую древесину, превращая воспоминания в дым. По щеке скатилась одинокая слеза, а ногти впились в ладони так глубоко, что я физически почувствовала, как лопается кожа и между пальцами струится кровь.

Тео, бросив свой догоревший факел в общую кучу, подлетел к матери. Его лицо было бледным, но движения оставались четкими. Он подхватил ее под локоть, помогая увести

с поля, пока она окончательно не лишилась чувств от запаха горелой плоти и роз.

Обряд близился к завершению. Соколы, понурив головы, начали медленно расходиться, растворяясь в тумане, который начал наползать с низин. Но я осталась. Я не могла уйти, пока не увижу финал. Мы с Ксандером стояли в вязкой, давящей тишине, ожидая, пока огонь догорит, чтобы совершить последний, самый горький ритуал – вернуть прах земле. Кости у соколов горят как и плоть, но нам не мешает это быть сильными.

– Ты хорошо держалась, Рита, – негромко произнес Ксандер после долгого молчания.

Его тяжелые, подбитые железом ботинки безжалостно ступали по обугленным останкам дерева, втаптывая серый прах Сокола в черную почву. Звук был невыносимым. Мне казалось, будто он ломает не дерево, а мои собственные кости, перетирая их в муку. Каждое его движение отзывалось тупой болью в моем животе, там, под повязкой.

Я опустилась на колени перед выжженным кругом. Земля здесь была горячей, она дышала жаром. Эта почва впитала столько пепла за последние годы, здесь было сожжено столько моих сородичей, друзей и соседей, что я давно потеряла им счет. Теперь здесь был и Джейс.

– Он, правда, попадет в лучший мир? – прошептала я, глядя на то, как искры гаснут на лепестках роз. Слеза сорвалась с подбородка и мгновенно испарилась, коснувшись горячей

земли.

Ксандер поднял на меня глаза. Он не из тех, кто умеет утешать, жалость была ему чужда, как и любая слабость. Но мой вопрос был адресован не ему – я спрашивала у самих роз, у этой древней магии, которая нас породила.

– Увидим, – бросил он равнодушно, отходя от места погребения. В его голосе не было ни капли той скорби, которую он изображал перед толпой. – Ты ранена?

Я посмотрела на свои ладони: из глубоких полумесяцев, оставленных ногтями, продолжала сочиться алая кровь, пачкая рукава. В моем уставшем сознании это была уже не моя кровь. Это была жертва. Моя личная дань за жизнь Джейса, которую я не сумела сберечь.

– Я убью их… – прошипела я, кривя лицо и вспоминая за один миг все похороны за последние годы. – Чего бы мне это ни стоило, Ксандер. Я вырву им сердца.

– Папа!

Звонкий детский голос заставил меня вздрогнуть и выпрямиться. Полли бежала к отцу со всех ног, ее светлые волосы растрепались, а личико было бледным от испуга.

– Что такое, Соколенок? – Ксандер мгновенно изменился, перехватив ее на бегу. Его огромные руки бережно прижали девочку к себе.

– Тебя зовет разведчик Стен. Он на окраине… он что-то нашел.

Я увидела, как мощные плечи Ксандера буквально окаме-

нели под плащом. Его челюсти сжались так, что на скулах заиграли желваки.

– Только не это… – прошептал он так тихо, что услышала лишь я.

Вождь, не прощаясь, сорвался с места. Он уходил стремительно, оставляя меня одну посреди выжженного круга и угасающих углей. Полли с опаской заглядывала мне за спину, на черное пятно пепелища, где еще недавно был человек.

– Мне очень жаль, Рита… – прошептала она одними губами.

– Все в порядке, Полли. Беги домой, – ответила я. – Папа будет волноваться.

Девочка кивнула и поплелась вслед за отцом – медленно, растеряв всю свою минутную энергию, словно это поле выпило ее силы.

Я осталась одна. Тишина обрушилась на меня, как лавина. Я снова перевела взгляд на место, где догорал костер. Нужно было дождаться рассвета. Нужно было увидеть розу. Потому что если роза не вырастет… я не знаю, как мне жить дальше с этой болью внутри.

– Рита? – снова позвала Полли. Она замерла в паре шагов, неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Что такое? – отозвалась я, не оборачиваясь. Перед глазами все еще плыли оранжевые пятна.

– Я тут подумала… знаю, не лучшее время. Но папа занят, и… – Полли медленно вытянула из-за спины лук. Тот самый,

который когда-то соорудила для нее я.

– Ты снова хочешь научиться концентрироваться? – я через силу усмехнулась, наконец повернувшись к ней.

Она быстро закивала, глядя на меня с той отчаянной надеждой, на которую способны только дети, выросшие на грани войны.

– Поможешь? Я тебе единственной доверяю.

Я медленно поднялась. Ноги ныли, а по всему телу разливалась тупая, тягучая боль. В горле до сих пор стоял горький привкус гари – все, что осталось от Джейса после того, как огонь на розовом поле забрал его плоть. Я все еще чувствовала этот жар на своей коже. Казалось, если я сейчас поднесу к лицу розу, она запахнет гнилью просто от того, что я не смогла его спасти.

– Давай отойдем подальше.

Я слегка подтолкнула ее в сторону старого стрельбища – заросшего участка леса, где когда-то сама до крови сбивала пальцы о тетиву.

Проблема Соколов была проста и беспощадна: наш взгляд – это дар и проклятие одновременно. Стоило времени внутри головы замедлиться, а зрачку «зумировать» дальнюю точку, как мир вокруг превращался в хаос. Если ты новичок, твой мозг пытается зацепиться за каждое движение: за полет мошки, за дрожание листа, за солнечный блик. Взгляд мечется, картинка дергается, и вместо меткого выстрела ты получаешь дикую мигрень и тошноту.

– Я готова, – громко сказала Полли. Она выудила из колчана стрелу и нацелилась в потемневшую кору старого дуба.

Я же пошла вперед, заходя в зону обстрела. Безумие? Возможно. Один раз мне уже прилетело от нее оперением по плечу, но по-другому Сокола не выучить. Если я не буду двигаться, создавая помеху, она никогда не научится отсекать лишнее и фокусироваться на главном.

– Полли… – я позвала ее негромко, с улыбкой, продолжая неспешно перемещаться между деревьями.

Девочка замерла. Я видела, как ходят ходуном ее плечи, как дрожат пальцы, сжимающие лук.

– Не дрожи. Плечи прямо, локоть выше. Видь дерево, Полли. Только дерево. Забудь, что я здесь.

Она резко, порывисто выдохнула. В тот самый миг, когда я выходила из-за ствола, тетива звеняще щелкнула. Наконечник с хрустом вонзился в кору в паре дюймов от моего виска. Спасибо, что не в руку и не в глаз.

– Уже лучше. Гораздо лучше, – я кивнула, игнорируя холодный пот на загривке. – Давай еще раз.

– Почему вам, взрослым, так везет? – Полли потянулась за следующей стрелой, шмыгнув носом. – Вы целитесь так спокойно, будто у вас в глазах не картинка прыгает, а застывший рисунок.

– Потому что мы тоже долго учились, мелочь. Мастерство не про… – я осеклась, вовремя прикусив язык. Рано ей еще слышать наши солдатские присказки. – Оно не дается даром.

Цена зрения – это тысячи промахов.

– А старушка Линда говорила, что вообще не помнит, как фокусировать взгляд. И как стрелять – тоже, – Полли нахмурилась, пытаясь совладать с тетивой.

– Потому что она потеряла память, – я невольно коснулась своего запястья. – К сорока годам пустота приходит почти за каждым из нас. Это неизбежно…

Я пожала плечами, стараясь, чтобы это выглядело равнодушно.

– Ты тоже забудешь? – Полли опустила лук, и в ее глазах отразился страх. – Забудешь меня? Забудешь Джейса?

Я подошла к ней и мягко положила ладонь на ее плечо, чувствуя хрупкие косточки.

– Нет, конечно. Мою семью это проклятие не коснулось. Мы помним все – и хорошее, и плохое. Так что тебе от меня не отделаться.

Я заглянула ей в глаза, заставляя отвлечься от грустных мыслей.

– Хватит болтать. Живо в стойку!

Глава 3

На обратном пути в городок меня прошиб холодный пот. Это не был мороз вечернего тумана – это было странное чувство чужого присутствия, которое заставило волоски на загривке встать дыбом. Словно кто-то невидимый, затаившийся в густых зарослях у края тропы, сверлил мне спину изучающим взглядом.

Страх сжал горло: на похороны я не взяла оружия. Мой лук остался дома, а нож я в спешке забыла на кухонном столе. Сейчас я была беззащитна, как птенец, выпавший из гнезда.

Я резко замерла посреди тропы, прислушиваясь к биению собственного сердца. Впереди, в паре сотен метров, за туманной дымкой виднелись стены нашего городка. Позади – Розовое поле. Если я побегу, оборотню не составит труда перехватить меня в два прыжка: их скорость в истинном обличье за гранью человеческих возможностей. Они не бегают – они летят над землей, разрывая пространство когтями.

Я зажмурилась, концентрируясь на звуках. Раз. Два. Три.

Резкий разворот – и только звенящая тишина в ответ. Паранойя? Я огляделась, ловя каждый шорох жухлой травы, каждое движение теней под деревьями. Никого. Выдохнув сквозь стиснутые зубы, я прибавила шагу. Даже если мне все это просто померещилось в бреду скорби, проверять на соб-

ственной шкуре не хотелось.

Миновав массивные ворота, я пошла по пустеющим улицам. Вечер опускался на город, принося с собой тишину. В одном из узких переулков я услышала знакомый низкий бас Ксандера и невольно замерла, вжимаясь в стену дома.

– Ксандер, я говорю тебе: это следы зверя. Крупного, матерого самца, – это был голос моего отца, Стена. – Охотники сюда не сунутся, они задыхаются от аромата роз, их датчики сходят с ума. Это был оборотень, клянусь богами!

Значит, он все-таки нашел следы? Здесь, на нашей территории, совсем рядом с жилыми домами?

– Не поднимай панику раньше времени, Стен. Мы только что с похорон, люди и так на пределе, – глухо ответил Ксандер. – Если это правда, придется удваивать караулы и выставлять посты даже у колодцев. Видимо, их новый вожак действительно еще безумнее и наглее прежнего.

Значит, оборотни все же решили разорвать остатки соглашений и развязать новую войну…

Я вышла из тени, не скрывая, что слышала каждое слово. Мужчины одновременно обернулись, и я увидела, как в руках вождя блеснул металл, прежде чем он узнал меня.

– Рита? Почему ты не дома с матерью? – отец сделал быстрый шаг ко мне, его глаза, точь-в-точь как мои, лихорадочно сканировали меня на наличие ран.

– Я все слышала. И отец прав, Ксандер. Только что на дороге у поля я чувствовала, что за мной следят. И это не горе

и не фантазия.

Вождь переглянулся с отцом. Между ними словно искры летели, которые я терпеть не могла.

– Нужно усилить охрану периметра… – выдохнул он, устало потирая переносицу.

– И какой в этом прок? – встрял отец, пронзая вожака яростным, почти ненавидящим взглядом. – Оборотни в разы сильнее нас и быстрее. Если они решат зайти в город ночью, твои караулы даже вскрикнуть не успеют!

– А что ты предлагаешь, Стен?! Сложить оружие и ждать? Или ты хочешь в следующий раз сжигать здесь, на этом поле, Тео или Риту?!

Отец заметно вздрогнул, будто его ударили наотмашь, и отпрянул. Семья была для него единственной святыней, ради которой он был готов перегрызть горло любому врагу – и, кажется, даже вождю.

– Рита, иди к матери. Ей после похорон совсем худо, она места себе не находит, – приказал он тоном, который не предполагал возражений.

Затем он бесцеремонно схватил Ксандера за локоть и утянул его в глубину переулка, продолжая что-то горячо доказывать. Мой отец был одним из немногих в племени, кто не боялся спорить с вождем до хрипоты, когда дело касалось его крови.

Вернувшись домой, я застала маму у камина.

Она сидела неподвижно, сложив руки на коленях и глядя

на угасающие, подернутые седым пеплом угли. Из кухни вышел Тео. В руках он держал кружку, от которой поднимался густой аромат заваренных розовых лепестков.

– Ты как, Рит? – тихо спросил брат, опускаясь на одно колено перед матерью и осторожно протягивая ей питье.

Я промолчала, просто кивнув. Мои собственные силы были на исходе, но маме сейчас было куда тяжелее – она потеряла сына, который только-только начал называть ее матерью.

– Я в норме. Тео… – я дождалась, пока он посмотрит мне в глаза. – Когда мама уснет, мне нужно поговорить с тобой. Наверху. Придешь?

Брат коротко кивнул, но по его глазам я увидела, что он догадывается о моих планах. Безумных, как и я сама. Что естественно, то не безобразно, мой дорогой брат.

Раз оборотни начали играть по-крупному и подходить так близко к стенам, медлить было нельзя. Каждая минута промедления могла стоить кому-то жизни. Я ушла в свою комнату, но не стала снимать походное снаряжение. Напротив, я затянула ремни колета еще туже. В моих планах на сегодня все еще значилась вылазка, и теперь она стала необходимостью.

Не знаю, сколько прошло времени – полчаса или вечность, прежде чем дверь в мою комнату тихо скрипнула и вошел Тео.

– Мама спит? – спросила я, оборачиваясь от окна.

Брат кивнул и присел на край кровати, внимательно, с прищуром изучая мое лицо. Он всегда так делал. Я не помню ни единого случая, когда он мог без этого взгляда смотреть на меня после подобных ситуаций. Брат искал повод для самого себя, увидеть во мне хоть каплю благоразумия. Но он знал, я с ним не в гляделки играю и уж тем более не собираюсь читать на ночь.

– Что ты задумала, сестренка?

– С чего ты взял, что я что-то задумала? – я попыталась сделать невинный вид, проверяя тетиву лука.

Тео невесело усмехнулся, покачав головой:

– У тебя сейчас взгляд точь-в-точь как у отца, когда он замышляет какую-нибудь опасную авантюру в обход приказов Ксандера. Говори прямо.

Я невольно улыбнулась. Мы с ним слишком хорошо знали друг друга.

– Ты прав. Я слышала их разговор с Ксандером в переулке, и мне нужна твоя помощь. Отец нашел следы. Оборотни здесь.

– И?

– Я хочу вернуться на поле сегодня ночью, – закончила я, глядя ему прямо в глаза.

Тео округлил глаза, вскакивая с кровати так резко, что она скрипнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.